

Александр Дмитриев

Искупление Гвизара

12+

Александр Дмитриев

Искушение Гвизара

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56906455

SelfPub; 2020

Аннотация

В Аркесе воцарился мир, лишь до Севера не добралась рука короля Мидланда. Долго ли ещё будет существовать спокойствие? В далеких землях Ар-амаи, более известных в народе как Дарамайское царство, зло набирает свою силу. И это зло ожидает своего часа. Но всё великое начинается с чего-то незначительного, мелкого и немощного. Так и новому витку истории Аркеса предстоит стартовать с жизни беглого орка-раба Рдарашта, который только и ищет в своих странствиях лучший путь в Белую крепость.

Содержание

Сквозь адские дюны	4
Средь оживлённых улиц Шада	19
Достойный выбор	24
Мидланд	40

Сквозь адские дюны

Дикая пустыня окружала Рдарашта, словно море корабль, и конца и края этому ужасу не было. Жажда, палящее Солнце, одиночество и страх смерти давно уже ввергли его в пучину отчаяния. Но он продолжал идти ведомый под руку толикой надежды, которая и была его проклятием. Носимые им белые одеяния скрывали жуткое, нечеловечье лицо, обезображенную спину и покрытые волдырями обгоревшие на солнечном свете руки. Ему казалось, что побег из лагеря стал последним делом в его бессмысленной жизни.

Он шёл, оставляя за собой громадные следы, от которых, в прочем, не было толку, ведь их заметал песок. Закрыв глаза лапой, он вслушивался в завывание, идущее отовсюду, и проглядывалось в этом безумном и надоедающем свисте лишь одно: «Рдарашт».

Старый орк, последний из своего рода и племени, единственный, кто выбрал смерти скитания по свету. Гонимый, забытый и ненавистный – чужой среди всех, одинокий странник. Рдарашт попадал раньше в плен, но не в таких условиях, когда гниение в солеварнях лучше, чем попытка бегства. Другой бы умер, но Рдарашта что-то озарило. Весь путь в колодках с корабля в город Юфем, из лагеря в пустыню его преследовала мысль: «Скоро всё закончится, осталось не много. Потерпи!».

Сквозь поднявшуюся бурю Рдарашт увидел очертания огромного холма. Эта дюна поросла с двух краёв некими кустарниками, которые причудливо извивались в разных формах, напоминая собой то змею, то стервятника. Рдарашт ухмыльнулся, за столько часов его лицо выразило что-то кроме усталости.

– Тут есть жизнь, – сквозь тряпку пробормотал он.

Путь вымотал орка, ему захотелось прилечь рядом с колючками и, пусть на секунду, но дать ногам какой-либо отдых. Он постелил свою старую одежду и сел на неё, опустив лицо вниз. Воды было мало, но глоток он всё же сделал, приметив для себя, какие же маленькие бурдюки выделяют люди. Тут, словно гром, разразился животный рык.

– Водопой! – вскрикнул Рдарашт, оглянулся и, собрав лоскуты тряпок, пошёл на шум.

Обогнул он дюну и взгляделся вдаль багрового песка. Как небывалое, как выдуманное очертание пейзажа в голове художника, явился перед ним оазис с финиковыми пальмами и стоящими под их тенью дикими верблюдами. Обычная зелень ослепила на некоторое время Рдарашта, который и не надеялся встретить спасение от пекла и обжигающего песка. Но ожидать теплого приёма и не приходилось, он заметил пару людей в белых тюрбанах и платках. Они сразу насторожились, а верблюды, учуяв, что Рдарашт не является представителем здешней фауны, вовсе поднялись и отошли намного дальше. Орк не стал бежать от чужих глаз по

двум причинам: он устал и один из этой парочки был явно не местным, его выдавали слишком светлые глаза и белая, как мрамор, кожа.

– Эй! – крикнул, вероятно, провожатый белого человека. – Ты откуда тут взялся?!

– Я отбился от эскорта важного человека! – соврал Рдарашт.

Провожатый переглянулся с белым человеком и, получив от него кивок, помахал орку рукой, который боязливо поплёлся к ним.

– Ты орк, – сказал человек и стал с неподдельным интересом разглядывать со всех сторон Рдарашта.

– Стойте! – Провожатый закрыл белого человека правой рукой. – Это беглец из прибрежных городов. Орки тут не водятся, а если и водились, то давно были вырезаны дикарями.

– Да ладно Вам, Али! Если бы он и мог что сделать, так это осталось в городе, из которого он сбежал. Это разумное существо изнурённо. – Он опустил руку провожатого и стянул платок на шею. – Уильям из Эдиса. Смеею предположить, что, исходя из вашего роста и громадных рук, Вы представитель кланов Севера. Я прав?

– Да. Мои родичи жили там. Рдарашт, – разделяя из-за страха слова, сказал орк в ответ.

– Вот и славно! Очень славно! Я впервые вижу орка, который свободно говорит как человек и не показывает своих дурных повадок. Чудеса этой земли меня и доселе поража-

ли, но теперь... Я просто счастлив, что отправился именно в Дарамайское царство.

– Только не говорите, что хотите его взять с собой, – зашептал Али.

– С моей стороны было-бы глупостью бросить не дикого орка на съедение барханам и дюнам, – пробурчал в ответ Уильям.

– А что Вы будете дальше делать? – Али явно кипел от всей этой ситуации. – В городе вряд-ли забыли о беглеце орке.

– Ты прав, – покачав головой, ответил Уильям. – Знаете что, Рдарашт, Вам стоит поговорить с моим давним знакомым, который лучше меня разбирается в орках. Он обитает в поселении, которое основано близ реки...

– Мы там делали остановку четыре дня назад, – перебил Али. – Его зовут Менелай Светлый, его ни с кем не спутать. Он стар на вид, но постоянно занят делом. Говорит таким тоном, что люди его слушаются, как овцы, и глаза у него, как у льва.

– Местные его... – Уильям осёкся. – Побаиваются.

– А если я встречу с вашим караваном, что мне им сказать? – нерешительно спросил Рдарашт.

– Скажите вожаку-караванщику, что если они пойдут дальше по дороге, то выйдут к оазису, где их ждут. А чтобы он тебе поверил, дай ему это. – Уильям вложил в лапу орка драгоценный камень. – Его мне, как сувенир, вручил погон-

щик Ахмед, который родом из города Шад, где и добывают драгоценные камни.

Больше они не говорили. Рдарашт, предварительно обнюхав воду и жадно окунув лысую голову в неё, наполнил свой бурдюк и стал заворачивать в тряпки фиги. Закончив, он перевязал потёртой бечёвкой свой груз и перевесил его через плечо. Когда он уходил, то краем уха слышал спорящие возгласы Уильяма и Али.

После отдыха среди пальм и дикой пшеницы, путь Рдарашту показался не таким уж и невозможным. Он вышел на дорогу караванов, где тысячи верблюдов сотни лет тянули на своих горбах золото и серебро, шёлковые платья, самоцветы, соль и сахар, ковры и шпалеры. Пустыня Дарамай несла не только бремя страданий и жажды, но ещё и дарила путникам веру в лучшую жизнь, а эта дорога тому подтверждение.

Буря давно стихла и Рдарашт, собравшийся было спуститься с очередного холма, увидел огромные и бескрайние дали, где изредка проскакивали островки жизни в виде колючек, среди которых спрятался паук, и камней, под которыми жилище себе нашёл скорпион. И бежала дорога вперёд и вперёд, Рдарашт кое-как поспевал за ней.

Ныне живущим оркам не могло представиться случая видеть картину, которую с неописуемым восторгом рассматривал Рдарашт, стоя на возвышенности и прячась в тени огромной песчаной глыбы от жестоких лучей. Будто река, вспенившаяся и взбудоражившаяся после нескольких дней нескон-

чаемого дождя, по дороге шёл караван. Сотни верблюдов несли на себе груз из далёких Восточных городов – богатейшей ресурсами части Дарамайского царства. Рдарашту казалось, что у каравана нет ни края, ни конца, настолько он был большим; из-за горизонта всё прибывали и прибывали горбатые чудища.

Сопровождали погонщиков наёмные люди из самых разных частей Дарамайского царства, отчего часто возникали конфликты, которые удавалось замять до начала драк и поножовщины. Рдарашту ещё больше захотелось увидеть караванщика-вожака, человека способного управлять такой толпой. Ему сразу в голову пришёл образ свирепого Сверра – последнего предводителя стаи с утёса Гвизар, что прослыл среди северных народов «Утёс воплей». Сверр был сильным и воинственным орком, как его отец Хорлог Одноглазый. Но его сила и сила его воинов не спасла клан от праведного гнева людей-северян, натерпевшихся от орков горя. Рдарашт помнит тот день, когда его братья умирали, когда правило «Око за око» обрушилось стрелами, огнём и копьями на них. Все пали, кроме Рдарашта. Ему не хватило смелости ответить за орочы налеты, и он сбежал, он выбрал трусость.

До вечера Рдарашт плёлся рядом с караваном, пока от размышлений и стенаний его не отвлекла лишь поднявшаяся на небо Луна, а вместе с ней и холод.

– Говоришь, – начал стоящий у костра воин-наёмник, – что ты не беглец и не разбойник, а посланник этого чудака

из Мидланда?

– Да. – Рдарашт кивнул. – Я отшельник, который ушёл с привычных для себя мест из-за черных дикарей. Мне пришлось бросить всё, их было слишком много. Так я брёл до оазиса, где и встретился с Уильямом.

– Значит, новичок Али справился! – радостно воскликнул воин. – Тебя точно стоит показать Рахиму, он и не надеялся на решимость новичка и гостя. Рахим, да даст ему Господь многие лета, рад любому, кто приносит хорошие новости!

– Только обыщи его, – дал о себе знать второй воин, – а то я слышал об этих орках в сказаниях всякое.

Рдарашта это ни капли не прельщало, но и ночевать под звёздным небом на холодном песке ему не хотелось.

– Это просил передать Уильям погонщику Ахмеду из Шада, – перед досмотром сказал орк и отдал драгоценный камень воину.

После войны проводили Рдарашта к шатру вожака, но попросили оставить перед входом свёрток с финиками и бурдюк.

Кругом были излишества, кои Рдарашт видел только из клетки: расшитые золотом и серебром ковры, богатый угощениями и чаем дастархан, золотые и серебряные лампы. Смотря на вход, сидел на тюфяке смуглолицый и улыбочивый мужчина достойных лет. Носил он обычную одежду, но окрашенную в тёмно-красный цвет. Волосы на его голове были достаточно коротко пострижены, дабы локоны не падали на

глаза, но этого не скажешь о пышных усах и бороде, которые то и дело мужчине приходилось вытирать салфеткой во время трапезы.

– Приветствую тебя, орк, о котором весь день говорила моя свита. – Рахим кивнул на лежащий рядом с Рдараштем тюфяк. – Садись, отдохни и поведай мне свою историю... И да, я Рахим торговец, – представился он и, пытаясь избавиться от гнетущих сомнений из-за диковинного собеседника, сделал глоток чая.

– Благодарю за приём, уважаемый караванщик, – подражал человеческой манере общения орк. – Моя история не нова. Я обычный странник и пришёл к тебе по просьбе двух людей, которые нашли оазис.

– Мне сказали, что мидландский язык для тебя, как для меня южное наречие, но правда ещё краше... тебе стоит изучать языки, а не тратить время в бесцельных скитаниях от степи к горам и из гор в пустыню, – размеренно говорил Рахим.

– Такова моя участь.

Тут Рахим засмеялся и, поставив пиалу на скатерть, пригладил свою бороду.

– Тебя насмешили мои слова? – озадаченно спросил орк.

– Нет. Просто никогда и подумать не мог, что орки бывают спокойными. – Смех караванщика утих, с его лица ушла прежняя улыбка и сменилась угрюмостью. Его глаза прожигали Рдарашта. – Ладно, я не стану тебя расспрашивать о

том, почему ты мне врѣшь и что тебя действительно заставило идти по пустыне, меня это не интересует. Но, взамен, ты должен будешь доказать свою ценность на бескрайних просторах наших земель, а не в копиях Шада.

– Почему я должен поверить тебе, человек? – надев свою настоящую личину, спросил Рдарашт.

– У тебя нет выбора, орк. Если ты попытаешься сбежать в пустыню, то и недели не пройдет, как твоё обмякшее тело будут клевать трупоеды! Тебе повезло с оазисом и встречей с путешественником, но везение не вечно, без меня знаешь.

– И что за работа?

– Есть деревушка одна, в ней я останавливался дней пять назад. Там всё как везде, кроме одного старика. – Его дыхание прервалось, словно Менелай стоял у входа в шатёр и смотрел прямо ему в глаза. – Он несёт чуму и раздор в наши земли...

– Почему ты так считаешь? – перебил Рдарашт Рахима и посмотрел на вход, а после на своего собеседника.

– В нём есть что-то такое, – он, наконец, отвлекся от своих ведений и вернулся к разговору, – с чем обычному человеку не справиться. Он служителю Древних и людей той деревни к новым порядкам склоняет. Демон проклятый! – Караванщик допил чай и собрался с духом. – Избавь Ар-амаи от пагубного нарыва, а я тебя не только вознагражу, но и дарую свободу.

– Мне нужно всё обдумать, – тихо сказал Рдарашт. – Дни

выдались тяжёлые.

– Тебе дадут укрытие, еду достойную странника и сведения о предстоящей дороге. А теперь иди...

Для Рдарашта ночь была долгая. Заснул он не сразу, а больше думал о своём безвыходном положении. Он понимал, что пустынным верить нельзя, но не мог найти иного исхода. В нём, внутри его души, продолжал доминировать страх, несмотря на всё пережитое им за эту неделю и за долгие годы стенаний, странствий, рабства.

Вышел в путь орк на рассвете, когда Луна скрыла свой жемчужный блеск за горизонтом голубого неба, на коем не проскальзывало ни облачка. Стоянка оживилась. Люди собирались в путь, но никто из них уже не обращал внимания на уходящего Рдарашта. Рахим не проверил, куда ушёл орк, ведь он был уверен, что безвольный не может пойти против своей бескостной природы. Но в глазах караванщика-вожака было видно, как сильно он вымотался из-за дороги, переживаний и Менелая, чей устрашающий облик всю ночь мерещился ему.

Всё та же гадкая, душная и безлюдная пустыня сияла перед Рдараштем. День сменялся ночью, ночь сменялась днём. Путь его был далёким, но полученные у людей Рахима брезент и покрывало из шкур согревали орка в особо холодные ночи. Это чужое существо чувствовало своим животным, первоначальным нутром, что грядёт что-то великое, что-то такое, после чего он не сможет остаться прежним. Страх,

ярость, стыд смешались в этом колыхании. А после тишина, безмолвная и гнетущая, впиалась в орка. Но не он один чувствовал это, Рдарашт узнает об этом спустя долгое время, забыв свою рабскую натуру.

Взревела буря. От прежнего голубого полотна ничего не осталось, налетевшие тучи затянули его. Раскатистый гром бил набат, да с такой силой, что у Рдарашта заложило уши. Он поспешил соорудить укрытие.

Съездившись, собрав ноги под себя, орк смотрел на ливень сквозь приоткрытую завесу. Тяжёлые капли глухо стучали по натянутой шкуре, не ритмично, беспорядочно, то перестав, будто дождь кончился, то налегая с новой силой. Рдарашт невзлюбил такую погоду с той поры, как попал в незнакомую глушь во время сезона дождей. Ему тогда было хуже, ведь нужда менять укрытие раз за разом подстерегала его на каждом шагу. Однажды забрался он в пещеру, которая смотрела с отвесной скалы на другой берег реки. До него там бывали только браконьеры из беглых крестьян. Отчего-то перед своим уходом они оставили обношенные рубахи, дырявые башмаки и нож со сколами у острия. Только Рдарашт разжёг очаг, только дрова и хворост просохли с одной стороны и с его безразмерной рубахи перестали стекать капли, дождь полил в горах, откуда берёт река своё начало, так сильно, что из берегов вода уходит стала. Но сейчас потоп не пугал орка; вся вода уходила подземными путями или накапливалась в пересохшем русле некогда великой реки.

Он не понимал, что таких дождей тут быть не могло. Для него это обычный ливень, воля духов, которые, по его же убеждениям, давно отвернулись от него за череду предательств, слабостей и долгой покорности. Вгрызаясь в свои мысли всё глубже и глубже, Рдарашт поник головой, заснул от усталости и проснулся лишь на следующий день.

Жаждающие солнечные лучи, словно волки, терзали крохотное логово Рдарашта. Жара поднялась невыносимая, доселе неиспытанная орком. Он, задыхаясь и кашляя, выполз из укрытия и спешно накрыл лицо платком, а голову закрыл белой тряпкой. Ему было плохо, будто из него эти проклятые земли высасывали все соки. Голова трещала и гудела, в висках кололо, и эхом отдавался отзвук вчерашнего грома. Точно дополняя картину, в глазах зарябили струи молнии и скверные ведения. Рдарашт протирал глаза, молил в глубине души о прощении, но боль и животный страх не отступали, злая сила глумилась над его духом, проверяла, сколько тот сможет выдержать. Тут посыпались голоса...

Непонятные, бессмысленные, одновременно превышающие высокие и низкие тона. Иной раз казалось, что это женщина, но только затихал её голос, пустоту разрывал нечеловеческий визг. Потом, после затишья, уже кричали люди и орки. Песок приобрёл багровый цвет и лился, как река, сквозь ноги Рдарашта. Запрыгали языки пламени, застучали барабаны и понеслись кличи орков, призывающие сплотиться. Он вновь видел эту картину, как его братья погибали.

ют, а он бежит в хвойные северные леса. Всё исчезло, но голос остался.

Глаза Рдарашта бегали и искали источник шептания, голоса которого теперь обвиняли его и упрекали. Но кругом никого так и не было, лишь пустота жестокой пустыни. Спасаясь от идущего отовсюду нашёптывания, орк стал лить из бурдюка в ладони воду, а после выплёскивать её себе на голову. Невесть откуда взявшееся безумие отступило, но теперь он остался один на один с горячим песком без должного количества воды. Да, человек мог бы прожить, получая воду лишь из фиников, но для орка, и так истощенного прежней диетой, это была смертельная опасность. А жар не собирался уходить и быстро испепелял намёки на окончание пути.

Целый день он плёлся и вышел на огромное плато. В жилах этой глинистой почвы, словно серебро в камне, сочлились солевые залежи. Рдарашт, утираясь от едкого пота, стал спешно оглядываться. Он услышал, что кто-то подкрадывается, и инстинкт его не подвёл. Тотчас появился черный дикарь и бросился на неравного противника с копьём.

Всё отошло на второй план, в голове Рдарашта не было больше последствий утреннего безумия и страха. Он, несмотря на истощение, стал ловко уходить от атак, пока грозный дикарь встал в отдалении от него. Чернокожий трепал нервы, ходил вокруг и давал намёки, что кинет копье, вынуждая тем самым орка на решительные действия. Рдарашт хотел кинуться на костяное остриё и ещё раз испытать

свою судьбу, ведь ему надоело бежать от драки.

– Ну же, – закричал на родном языке орк, – убей меня или я вырву твоё сердце!

Дикарь ничего не ответил и стоял молча. Крик Рдарашта поселил в его необузданном нраве что-то неведанное ему, а именно страх. Теперь перед ним стояла не исхудалая чело-векоподобная тварь, которая готова выбрать путь самоубий-ственной атаки, а воин, обладающий чудовищной силой.

Орк медленно стал идти навстречу противнику, заставив того попятиться назад. Но дикарь не отступил и обдумывал как же ему лучше поступить. Рдарашт шёл ровно, размерен-но, будто важный граф в своём саду. Единственное что не совпадало с таким праздным образом, так это готовность от-прыгнуть, побежать или вовсе лечь на землю. Дикарь побе-жал навстречу, держа копьё в правой руке. Последовал бро-сок, быстрый, словно змея бросилась совершить укус. И ми-мо... Рдарашт влетел в чернокожего со всей силой и столк-нул его с ног, но споткнулся и сам упал. Завязалась борьба, орк оказался сверху и принялся лупить дикаря кулаками. Он продолжал наносить удары, даже когда его противник пере-стал дышать.

Орк стал рыскать в поисках воды, и удача улыбнулась ему. Рдарашт потряс в своей руке конусовидный сосуд, отчего в нём заплескалась вода. Понюхав содержимое, он, борясь со страшным желанием сделать хотя бы пол глоточка, вложил его в свой скарб.

– А говорил, что везение не бесконечно, – усталым голо-
сом выпалил Рдарашт и попытался подняться на ноги.

В глазах стало темнеть, а руки опустились, будто долгие дни несли огромную ношу. Орк свалился рядом с бездыхан-
ным телом и потерял сознание. Как когда-то сбегая из руд-
ников, Рдарашт выдохся полностью. Он растерял в пыли этой
стычки с отощавшим дикарём все силы и потерял почву под
ногами. Шансы его были исчерпаны, теперь лишь чудо мог-
ло его спасти.

Средь оживлённых улиц Шада

С неделю я добирался до величайшего из городов. Неприетливые стражники неохотно пустили меня в город, который в эту жаркую пору был особо полон. Я нёс весть достойную величия этого города, но горланить о своей миссии не спешил. Нужно было встретиться с моим учителем и наставником, который обещал меня направить на нужный путь, если я усомнюсь в своём решении уйти в отшельники. И я знал, где его можно встретить...

Шад изменился за время моего отсутствия, стал больше и мощней, построил силу на своём торговом потенциале. Тут были свои законы, более древние и отличающиеся от порядков Западного Ар-амаи, где уже вовсю пили финиковое вино и видели всяческие небылицы. Здесь же, в Шаде, местом отдыха были кофейни. Именно в этих местах тебе подадут пряный от корицы кофе и позволят забыться в дыму дурмана, кстати, до сих пор почитаемого некоторыми жителями как благородное растение. Люди постарше, обеспеченные и, пусть обременённые должностями, способные направить свои взоры на это скромное заведение «кофейня», могли засиживаться в них до первых звёзд. Тут ходили слухи и новости о мировой политике, о возвышении царства над остальными государствами Аркеса и попытках переселенцев заселить места на далёких восточных границах; «Разговор в ко-

фейне – разговор со всеми, даже с царём» – так оценивал это мой учитель.

Минуя базар, что стоял на подходе в Старый город, я попал в узкие улочки истинного Шада. Существует легенда, что тысячи лет стоял Старый город, ещё до прихода нашего народа и непокорных кланов, а построили его первые люди. И, видя, насколько разительно отличаются дома, исторические стелы и развалины храмов от наших построек, охотно верю легендам о первых людях. Всё как в первый раз, я опять восторгаюсь, даже спустя долгое время после моего прибытия и сидя за рабочим столом, этим золотым городом. Сюда стекаются тысячи людей, готовых продавать и покупать, готовых золото с жадностью в глазах отдавать и с той же жадностью принимать. Шад – это воистину великий город. Такого азарта и жажды золота я нигде не видел, ни в грубом и надменном Юфеме, ни в священном Ардибаке.

Поклонившись дворцу, стоящему на самом высоком холме в округе, я зашёл под тернистый навес и кивком приветствовал незнакомцев. Неохотно, с некой долей неловкости и недоверия, они кивнули мне в ответ и долго поглядывали до того момента, как я не стал говорить с работником этого заведения. Тут было не принято смотреть на разговаривающих людей без цели, это считалось за дурость низшей касты. Одно время крестьян, батраков и подобную им чернь спокойно избивали на улице за косые взгляды, а оправданием своим действием выбирали именно традицию. Ведь, как не смешно

тебе, получатель, читать об этом, я именно из-за этих мелочей бросил жизнь в городе. Мне были душни их манеры и беспричинная озлобленность, я верил в милосердие и в равенство судьбы для всех, ибо сегодня я тебя луплю по хребту тростником, а завтра ты меня.

– А, я знаю этого человека! – воскликнул разносчик. – Он, в последнее время, редко заходит, но раз в неделю пытается посещать наше заведение.

– И когда он обычно приходит? – спросил я. – По каким дням и в какое время?

– Простите мою грубость, но не могу ли я узнать, кем Вы ему приходитеесь? Просто... – Разносчик замялся. – Вы же сами знаете, что так не принято.

– Да-да, конечно. Я – Умар, сын Махмуда из Ардибака.

Тут разносчик сменил свой смуглый окрас на более бледный, ему стало не по себе. Во всём Дарамайском царстве известно о странствующих защитниках веры, многие из которых пользуются популярностью казнокрадов и нарушителей покоя. Я улыбнулся разносчику, вспомнив об этом.

– Я давно не бывал в священном городе, да и к свите неприкасаемых персон причастия не имею. Я – отшельник из пустыни, давно забывший этот город, но вернувшийся сюда по зову сердца и верности дружбе.

– Тогда не смею больше о Вас знать, Умар. Прошу, садитесь на уличной террасе, Вам подадут кофе. Именно в тени наши гости ожидают встречу.

Так я и поступил, как советовал разносчик. На улице людей было меньше, чем внутри кофейни, далеко от меня сидела группа из трёх человек, они курили и мирно разговаривали.

Сидел я долго. Люди приходили и уходили, но одно было неизменно – отрицательное покачивание головой от разносчика. Давно я не тратил время попусту, мне хотелось уйти, но важность моих расспросов была важнее. Тут я услышал, что за приоткрытой дверью все оживились, стали подниматься со своих мест и громко, с лукавым дружелюбием, принялись здороваться с особо важной персоной. Разносчик, наблюдавший доселе за мной, спешно зашагал вовнутрь кофейни. Нарушая традиции, я наблюдал теперь за разносчиком, разговаривающим с незнакомцем. Он лепетал вокруг этого человека, всячески льстил ему и предлагал различные подарки от заведения. Одним словом, этот незнакомец был явно выше остальных посетителей и, возможно, выше хозяина этой кофейни.

– Всё как обычно, – забурчал я себе под нос. – Ничего не поменялось.

Тут работник кофейни повёл его на уличную террасу, и я, наконец, прозрел! Это был мой учитель, которого я не видел целые годы. Его сонные глаза, оглядывающие надменно соседние столики, остановились на мне и были готовы выпрыгнуть наружу. Он мягко, отпустив прежнюю строгость на волю ветра, улыбнулся. Разносчик убежал обратно в кофейню,

оставив моего учителя вне взора общества. Я встал и, встретившись с ним лицом к лицу, крепко пожал его руку.

– Ты изменился, Умар, – с трудом выговаривал он. – Даже не знаю, радоваться мне этой встрече, или бояться...

– Радуйся, мудрейший, ибо я нашёл то, о чём легенды писались и рассказы сказывались. Я встретил чудо, о котором мне мать читала, пока я в люльке засыпал.

– Верю тебе, верю, – скрывая сомнения, соглашался учитель. – Но давай всё же присядем, и ты мне всё расскажешь.

Отсюда, с этого разговора, и начались мои настоящие странствия. Мы долго говорили, перебивая друг друга с завидной регулярностью, словно оба стали соперничающими братьями. Я поведал ему о знамении, об учении Менелая и его способностях. Учитель мне не верил и когда услышал о могучем ливне, вызванном волей этого посланника, вовсе умолк и задумался. Он сомневался, но знал, что я бы не стал его беспокоить небылицами, знал, что если я говорю, то мои слова истина.

Теперь я нахожусь в чуждых мне землях и ведаю людям о новой силе Аркеса, о приходе чудес на землю и возвращении древних существ. Мои сторонники готовы с жадностью в глазах нести слово моё и волю истинной силы, пока мой наставник собирает сторонников среди света Ар-амаи.

Достойный выбор

Очнулся он в каком-то сарае. Кругом была тишина и покой, даже за хлипкими стенами никто не ходил. Ветер бил по двери, отчего пыль столбом поднималась, образуя собой пелену. Рдарашт, растеряв природную осторожность, встал и, кашляя на всю округу, пошёл вон. Его вело из стороны в сторону, глаза слезились, а дыхание, после жалких попыток ускориться, сбивалось.

Солнце выжигало ему глаза, и он поспешил прикрыть лицо рукой, но, всё же, подметил, что стоял не посреди пустыни, а в месте, где можно более-менее комфортно существовать. Здесь всё было зелено, журчали арыки и стояли окрашенные в белый цвет дома. Если приглядеться, тут и там было единое и ровное полотно песчаного горизонта. Люди жили лишь близ реки, только вот их нигде не было видно.

– Это и есть покой мертвеца? – не удержался Рдарашт и спросил у пустоты.

Но ответа не последовало. Орк, вспомнив о своём беденьком снаряжении, стал обходить людские владения.

Тут было слишком мирно, именно потому Рдарашту и показалось, что это место – пристанище покойных душ, где нет ни битв, ни врагов, только один котёл в котором слилось всё протяжным воем. Атмосфера цикличности предстала перед ним, но не такой, когда жестокость окружает тебя, а иной –

безмятежной. Сам воздух, свежий, но горячий, ободрял его тело и разум, он лечил орка. В этой лёгкости таилась сила неподвластная ни ему, ни людям, никому из живущих в Аркесе. Эта сила была везде: в ветре, в песчаных скалах, на гроздях винограда и в воде. И орк это чуял. Рдарашт знал о древних существах ещё с детства. Тогда он впервые услышал легенды о всемогущих ящерах, о созданиях, которые странствовали по миру и смотрели на жизнь смертных. Орков сместило, что некоторые люди выбрали этих магических созданий в качестве своих божеств, создавая им храмы и величественные барельефы, принося жертвы и проливая за них кровь.

Но тут не вздымался и падал будто орёл искуситель-дракон, тут вообще никого не было. Тишина всё больше и больше настораживала орка, он взял камень. Напрягая слух, Рдарашт пытался вытащить из пустого ветра хоть какой-то звук, этого он желал, прежде всего, для своего личного успокоения. Да, вопросы не убавились бы в его голове, но вариант со спасшими его людьми можно объяснить, в отличие от нематериального чуда, которое спасло его от неминуемой гибели.

Вдруг он услышал шорохи за одним из домов, потом кашель и хриплый, неразборчивый голос. Определённо это был человек, причем старый. Рдарашт ещё больше задумался о том, кто и зачем его спас.

– Плохая благодарность, подкрадываться к спасителю, – спокойно, слабоватым голосом проговорил старый человек

на языке орков без акцента или ошибок.

Рдарашт застыл от такого представления на месте. Он не мог понять, он не мог ответить на свои вопросы самостоятельно и до этой встречи, но теперь и вовсе выпал из колеи. Вот, только сдавшийся и принявший для себя смерть орк, слышит родную речь от старика.

– Почему ты остановился? – продолжал человек. – Не верю я, что мог ошибиться и спутать тебя с другим беглецом. Быть может, тебя интересует его судьба и потому ты пришёл ко мне, ведомый славой моей?

– Да кто ты такой?! – не выдержал Рдарашт, закричал и оказался перед спрятавшимся в тени своего дома дедом.

– Да, сомнения так и вырываются на волю фантазии... – Старик оторвал глаза от ветхих страниц и, словно оценивая, посмотрел на орка грозно оскалившегося на него. – Если бы ты был не одичавшим беглецом, а тем, кто так взывал ко мне, то имел бы совесть и не принялся грубить мне таким поведением.

– Ты прав, человек... – успокоившись, сказал орк.

– Человек?! – Старик развеял неловкую паузу своим смехом. – Поверь, орк, во мне столько же от человека, сколько от человека в грозном льве из саванн. Стал бы обычный человек так долго возиться с полумёртвым орком, который уже отправлялся в руины Белого города в вечный сон? Но я вижу твою судьбу и то, зачем же ты изначально шёл ко мне. – Он закрыл книгу. – И это не поручение лживого Рахима,

который до сих пор вспоминает встречу со мной. Воля случая позволила тебе не раз услышать моё имя, потому перед встречей с мёртвой тьмой ты просил помощи.

– Менелай, – тихо сказал Рдарашт.

– Пойдём к реке, там ты увидишь, что слухи не ввали про меня, что юный Уильям не зря назвал меня «старым другом». – Старик положил книгу на лавку и пошёл вдаль. – Только брось этот камень, если меня и можно убить, то точно не им.

Эти грозные слова отпечатались в памяти Рдарашта. Он, прикинув возможные варианты, бросил камень на землю и шёл за Менелаем.

Орк убедился при первой же встрече, что опасения Рахима имеют под собой обоснование. Вокруг этого немощного старика витала странная аура потаённости и древности, словно у сундука с сокровищем. То как он говорил, то как безошибочно он использовал язык орков – поразило Рдарашта и заставляло верить ему. Такое чувство он испытывал, когда прятался ранее от дождя.

Река, пусть и поила поля этой деревни, нисколько не истощалась. Как только пара подошла к её берегу, вода, мутная от горного потока, стала выплёскиваться за русло, облив при этом Рдарашта. Старик сел и сказал орку своим тихим голосом:

– Смотри.

Сквозь мутный цвет проглядывалась другая жизнь клана

Рдарашта. Он видел, как умирающий от ран Сверр за храбрость в сражении нарекает его будущим вожаком, а после велит ему уводить силы на север для перегруппировки и поиска союзников в лице горных орков.

– Такой могла быть твоя жизнь. Судьба решила всё за тебя, но ты поддался страху и сгинул в горьком одиночестве, – жестоко подмечал Менелай.

После его слов, картина поменялась. Теперь Рдарашт шёл в цепях на корабль, а его усталые глаза со страшной тоской смотрели на хвойные очертания северной глади. Раны заныли и орк, стиснув зубы, протяжно гаркнул:

– Сгинь!

– Но теперь ты здесь и тебя, орк, ждёт иная судьба, – не обращая внимание на растерзанного болью Рдарашта, приговаривал старик.

Теперь видение показывало его великим и грозным. Он, облачённый в громадные доспехи, обходил захваченную его солдатами людскую крепость и наблюдал, как всё ценное выносят и выводят во внутренний двор. Рдарашт был довольным и здоровым, сильным и с глазами воина преисполненного яростью. По сравнению с настоящим Рдараштом, орк из видения – исполин, которого свет не видел. Он вершил судьбы, вселял трепет и страх. Его слова и действия вызывали в среде орков уважение, а люди, слыша его имя, падали духом.

– Вот твоя судьба, Рдарашт с утёса Гвизар, – заключил старик, и красочная картина будущего исчезла. – Я помогу

тебе достичь такого величия и славы. – Он пошёл прочь от реки, Рдарашт следовал, будто прикованный, за ним. – Ты возродишь крепость, и твои воины займут северный Мидланд, ты объединишь орочью силу в кулак.

– Но как? – с трепетом в голосе спрашивал Рдарашт. – Как я смогу этого достичь? Я – орк умирающий от голода и жажды... А оружие я не брал ещё со времён далёкой юности. Дай ответ, видящий.

– Я дам тебе оружие, которое никогда не ломается и не тупится, которое невозможно перековать или потерять. Но всё по порядку. Идём же, тебе предстоит ещё многое пройти или у тебя есть сомнения?

В глазах Менелая блеснул огонь, тут всё прояснилось, решилось само собой. Этот старик является одним из тех древних существ. Люди верили ему, ибо в этом дряхлом старике содержалась сила, существующая с рассвета жизни, он есть её начало и есть её конец. Менелай Светлый способен изменить мир и Рдарашт это чувствовал.

– Нет, у меня нет сомнений, – тихо ответил орк.

– Я рад этому, мой друг. Твои слова доказывают, что ты не смирился с участью раба и готов взять то, что принадлежит тебе по праву – свободу.

Менелай жил тихо и бедно, в отдалении от всех. У него было два, построенных им же, дома. Первый он использовал для приёма гостей, которые просили его о помощи и просветлении. Во втором же он отдыхал, жил и возносил молит-

вы своей госпоже, что ждёт всех смертных в Белом городе. Также его быт состоял из бесконечного чтения с перерывами на выделку кожи и обучению этому всех желающих.

Люди Ар-амаи стали разговаривать о нём. Но ему этого было мало, и он наказал жителям этой деревни разъехаться во все стороны царства. Эффект не заставил себя долго ждать, до Рдарашта сюда прибыла группа людей, которые особо прониклись слухами. Разрозненные, разного возраста и обычаев, они, собравшись в единую кучку, проделали огромный путь для того, чтоб увидеть чудо. Именно эти люди помогли Менелаю принести Рдарашта сюда, хоть это и было против их желаний и воли.

– Это чудовище, – говорил один неофит другому, – посмотрите, что он сделал с этим дикарём. Голыми руками убил, наверно сожрать хотел.

– Умолкни, или ты хочешь перечить Менелаю? – После упрёка неофит заткнулся. – Так-то! По мнению нашего наставника, этот орк сыграет роль в истории всех людей, как южан, так и мидландцев... даже эти назойливые дикари могут исчезнуть, если это чудовище не исполнит свой долг. Понятно?

– Понятно. Но я не хочу быть убитым во сне от рук этого нелюдя.

– Когда он проснётся, мы уже уйдём в Юфем.

– Но зачем же в Юфем? – вмешался в разговор ещё один неофит и перебил своим вопросом старшего.

– Затем, что нам нужно будет заручиться поддержкой ученика Менелая, который там живёт. Большого я не знаю.

Всё, что было даровано Менелая в видениях, сбывалось и становилось явью. Он жил долгую жизнь, видел то, как люди вернулись на просторы Аркеса, как они отвоевали у непокорных кланов своё наследие и наследие древних. Менелай видел рассвет королевства, основоположников династии и даже был на приёме у каждого из них. Обо всём он с охотой рассказывал Рдарашту, да так красочно, что орк погружался в слушанье всё больше и больше. На все вопросы он отвечал, кроме одного:

– Почему ты ушёл сюда, в Дарамайскую пустыню?

– На то были причины, о которых я всё гадаю и гадаю. Они так и не поддались мне.

– Разве дар не смог помочь тебе? – удивлённо спрашивал Рдарашт. – Ты же всё знаешь и ведаешь, ты видишь любую судьбу.

– Вот потому я и привёл тебя сюда. Есть те, кто препятствует моему освобождению из Ар-амаи, из этой пустыни. Я ничем не лучше закованного в цепи раба, которого наказали и оставили без воды на два дня, а для пущего «удовольствия» поставили за клетку стакан с водой. И вот представь, как я, преисполненный жаждой, высовываю руку за железные прутья и пытаюсь дотянуться до воды, но стакан всё ещё далёк от меня. Так каждый день.

Рдарашт поник головой и вспомнил свою жизнь у подзем-

ного озера близ Юфема. Он каждый день грезил о побеге, верил в это, ему были невыносимы путы. Готовился не только он, был ещё один орк, который работал на поверхности. Его имени Рдарашт не знал, да и ему не нужно было узнавать имя родной крови.

– Понимаю, – сказал орк. – Как я могу тебе помочь?

– Это будет самое опасное поручение в твоей жизни, ты можешь умереть или ещё хуже... Ты уверен? – спросил Менелай.

– Да, уверен. Ты спас меня от гибели, дал мне смысл жить и не попадаться в руки людей. Я тебе помогу и отправлюсь исполнять твоё пророчество.

– Я верил в то, что ты скажешь эти слова.

Рдарашт не мог сосчитать дни своих занятий. Менелай его готовил к столкновению с поистине разрушительной силой, он даровал ему, как и своим последователям, частицу своей силы. На глазах у него, измученный жарой, голодом и жаждой орк приобретал прежний вид. Рдарашт снова превращался в воина. Из неуклюжего, вечно ослабленного раба он стал проворным, свирепым, могучим и сильным бойцом, способным тягаться с самыми сильными людьми и орками. Это преображение взбодрило его.

Но не только физически Рдарашт развился. Однажды, сидя у очага, случайный уголёк упал ему на стопу. Легкое, пуштяковое ранение привело орка в бешенство, в ярость и иступление. Его руки начали крушить всё подряд, без разбо-

ру ломая стулья, опрокидывая стол и круша стены. Только Менелай, путём своих заговоров, смог успокоить своего ученика.

Позже старик объяснил орку, что это и есть его дар. Любая ранка приводила эту силу в исполнение, разум отключался, а взамен него по его жилам лилась кипящая смесь безумной ярости, безостановочной и внушающей трепет.

Просидев с месяц в опустевшем поселении, орк выдвинулся в сторону Воющего пика, который отделялся от него огромной степью, а после скалами.

Рысья степь – одна из многих незаселённых частей Дарамайского царства. Это место известно своими каракалами и жуткой легендой об их появлении.

– Когда-то, – рассказывал Менелай Рдарашту, – в тех местах произошла битва между южанами и непокорными кланами белых орков, что пришли с севера Аркеса и обосновались вначале в Мраморных горах. Но какая-то угроза заставила клан спуститься с обжитых горных путей сначала на холмы, а после в степь.

– И людям это не понравилось.

– Да, не понравилось. Раньше без этого мир между кланами и южанами держался на нитях, а после таких поползновений вовсе рухнул. Был отправлен отряд ар-амаиской армии. После, завязалась битва. – Менелай смотрел в огонь и его черные глаза отдавали зловещим блеском. – Многие там умерли, и я видел эти смерти. Голые холмы и равнины обга-

рились людской и орочьей кровью. Южане заплатили большую цену за победу, они оттеснили кланы обратно в горы, а после долго собирали своих павших братьев.

– А как связаны каракалы с этой битвой?

– После этой битвы степи стали кишеть этими охотниками и появилось у южан поверье, что неприкаянные души павших солдат оказались заложниками тех маленьких зверьков, которые теперь завладели местом гибели и ведут безостановочную охоту.

Этот небольшой диалог повторялся в голове орка раз за разом, обрастая новыми вопросами. Горные кланы вызывали у Рдарашта особенный интерес, он и представить себе не мог, что может произойти, если встретит представителя горных орков. Хотя гадать нечего, их души точно сгубил тот, против кого он выступил. Путь полный опасностей не пугал теперь Рдарашта, ведь его вела идея освобождения, его вёл под руку Менелай и давал ему надежду на благоприятный исход этого сражения.

Воюющий пик рассекал облака, и дурной славой встречал идущих путников. Орк смотрел на величественную и неприступную твердь, гадал, как взбираться на вершину, и страшился необъятной мощи, которая желает его смерти. Снежные острия громыхали, ревел голос злобного создания, чахнувшего в своей крепости в непрерывном сне. Из гранитных глыб, щелей и гротов стали выползать уродливые твари.

Их маленькие и прищуренные глаза смотрели на Рдара-

шта. Гнилые пасти шипели друг на друга, а зубы их щелкали как куриные кости. Кожа, белая как снег, но покрытая нарывами, ранами и грязью, зловонием своим вводила в омерзение орка. Кто-то из них носил непонятное тряпьё, но большинство вовсе были голыми. Передвигались они на своих четырёх лапах, выгибая дугой спину. Ногти давно превратились в прямые и острые когти; каждый гордо, издавая подобие смеха, норовил покрасоваться коготками перед Рдараштом. И эта отвратительная толпа бегала вокруг орка, будто стоя, загнавшая зверя на убой.

Не успел орк одуматься, как на него сверху прыгнул один из уродцев. Он обхватил его за шею и впился зубами в ключицу. Но разгорячённый орк не думал сдаваться, а, пыхтя от боли, схватил склизкие лапы и с разбега впечатал осмелевшего выродка в землю. Тот, измазывая всё кровью, был сброшен Рдараштом в пропасть.

Щелканье прекратилось, бегающие фигурки застыли на месте, образовав собой серое поле. Все молча смотрели на искажённое лицо орка, который выдал звериный оскал и зарычал громче прежнего. Глаза его налились кровью, обе руки схватили костяное копьё и задрожали от ярости. Настал час той битвы, которую он ждал на самом деле. Его ноги дёргались, как и озлобленное выражение лица.

– Я не повторю вашу судьбу, орки с Воющего пика! – заорал Рдарашт и приготовился вступить в последний бой.

И началось. Кругом всё опять затрещало, зашипело и за-

бегало. Толпа навалилась на грозного орка, который был готов разорвать перед своей бесславной смертью как можно больше противников. Небо озарилось красным цветом, сам воздух пропитался кровью и древние горы впитали в себя пыл битвы. Один он сверкал своей безумной силой на этом горном плато. Горные орки один за другим ложились от копья Рдарашта, пока последний не стоял на одном колене, держать за древко и устало дыша. Он видел эту картину в видениях, видел свою исполинскую натуру и невероятную силу, видел, как славно погибает в неравном бою, мучаясь в последний час от воспоминаний и боли. Тут он улыбнулся и сказал:

– Да, такую смерть я видел, такую я её желал и ждал!

Но горные орки расступились и засели за камнями, спрятались в щели и гроты; на плато остались Рдарашт и трупы. Поднявшись, орк потащил своё ослабшее тело в сторону непонятного воя.

– Ты позволил себя обмануть, – пролетели бегло слова. – Ты теперь умрёшь, оставшись пешкой. Такая судьба – лицо вашей жалкой рабской крови, крови мулов и овец. Посмотри на убитых тобою – они твои братья, твоя кровь. У них ничего не осталось, ни разума, ни языка, ни имён и желаний. Они постоянно были голодны до силы. Понимаешь, кто будет следующим? – Раздался пронзительный смех. – Твоя душа станет частью его силы.

Туман в глазах Рдарашта рассеялся, пред ним стояло

нечто невообразимых масштабов. Огромная копна волос стелилась на оголённые колени, а кисти тонких рук вовсе свисали ещё дальше, иногда задевая горных орков и камни за которыми они прятались. Это великан, настоящий бич некогда живших в горах зверей, людей и ещё вольных орков. Рдарашт чувствовал, как каждое покачивание титана из стороны в сторону сотрясало земную твердь, как Воющий пик рушился у него на глазах. На фоне орков, Рдарашта и скал великан казался загнанным в узкую клетку псом, который не может нормально выпрямиться и развести руки.

– Никогда и не думал, что я смогу творить добро, – смеялся великан.

Своими длинными, крючковатыми пальцами великан стал разбрасывать преграды стоящие между ним и Рдараштом. Неподъёмные плиты летели в пропасть и уносили с собой невнятные крики горных орков. Словно блоха, Рдарашт побежал по вытянутой руке в сторону шеи. Один бросок и раздался крик, от которого всё трещало и обваливалось. Закрыв глаза лапой, великан стал размахивать второй рукой, на которой затаился Рдарашт. Но орку это не помогло, он полетел вниз к подножию гор.

...

Вот мы и встретились. Да, смерть ждёт и тебя, Рдарашт, и великана, и Менелая, даже меня ждёт. Судьба неотвратима, она движется вне воли моих желаний, мыслей и непоколебимой гордости. Да, гордость, которую ты почувствовал, когда

злой колдун наделил тебя бременем обязательства, позволила тебе победить моего стража, того, кто сдерживал новую бурю судьбы.

Рдарашт почувствовал сильную боль. Он не мог открыть глаза и посмотреть на разговаривающего с ним человека, он не мог пошевелиться и хоть что-то промямлить в ответ. Слова сильно ранили орка, больше чем ужасная физическая боль. Орк хотел забыться и не слушать нравоучений мудреца.

Но с новой напастью грядёт новая надежда. Я прав? Знаю, что прав, и ты это знаешь. Менелай вырвался, он готов совершить свою цель, сделать то, что задумал когда-то самый древний. Белая крепость опустеет, из неё вырвутся на свободу тысячи душ и потоком сметут всё на своём пути. Ты не в силах противостоять этому, даже не проси о даровании такого обязательства.

«Как я могу всё исправить?» – спрашиваешь ты... тяжёлый вопрос. Исправить будет трудно, но попытаться стоит. Чего тебе то, рабу, терять? – Нечего. Каждый исполняет свою цель, и я помогу тебе в этом. Пройдут десятилетия, но твоё имя никто не вспомнит, ты, как и был в глазах своих братьев трусом, так и остался. Твоё имя забыто, оно ничего не стоит, а если и говорят о тебе, то в дурном тоне. И ты готов ещё раз попытаться? Тогда, желаю тебе удачи, Рдарашт из Лесной стаи, чьи воины всегда славились своим бесстрашным нравом. Удачи тебе, воин!

...

Утёс Гвизар, дом который был так желаем Рдараштом. Его хрупкое, избитое и покрытое кровью и грязью тело лежало на родной земле. Издали шли звуки битвы, звонкие и глухие удары барабанов, копья вонзались в плоть и топоры крушили плотные ряды. Это были люди и орки, как и раньше в далёком прошлом. Рдарашт наблюдал за окутанными пылью силуэтами. Его сердце заколотилось, и он хотел было броситься туда, как увидел стоящего старика у обрыва и смотрящего на волнующееся Северное море.

– Менелай! – закричал орк. – Твоя очередь настала.

Он не повёл глазом и продолжал стоять неподвижно, бубня что-то себе в бороду. Его руки, трясущиеся безостановочно, были подняты к небу. Только Рдарашт подошёл на расстояние пяти шагов к своему бывшему учителю, как его оттолкнула неведомая сила. Отвергнув сомнения, орк вбежал против «течения» и схватил Менелая. Они оба загорелись пламенем, но кричал из них только Рдарашт. Обуянный страхом он упал с утёса в разбушевавшееся море и утащил с собой тело уже давно мертвого Менелая.

Струи молнии ударили в землю, валя вековые деревья. Воины перестали сражаться и разбежались в разные стороны, и последнее что они увидели, как весь утёс горел в необъятном пламени.

Мидланд

Как сейчас помню поезд в Мидланд, который, к слову, состоял лишь из одной старенькой повозки. Кругом всё было в изумрудном цвете, куда не глянь, везде стелятся ржаные поля и мычащие пастбища, лиственные леса и безлюдные луга, переливается река, журча приятную мелодию, а её приток впадает в Хрустальное озеро. Такие виды открывались нам, мне и нанятому извозчику, по дороге в столицу.

Медленно, спотыкаясь на каждой кочке, ехали мы по Королевскому тракту, и пусть тебя, почтенный читатель, не обманет это горделивое название. Кругом нас подстерегала опасность, всюду в чаще сновала стая волков-людоедов, а на очередной развилке могли стоять три-четыре мордоворота, с рожами как у кабанов и кулаками с кувалды. Везде ждали нас с распростёртыми объятьями. И если в землях Предгорья нас охраняли, указывая верную дорогу, то на Просторе никто за порядком не следил. Воровское раздолье...

Но везде найдутся положительные стороны, именно потому я по приезде в столицу не выглядел как урюк. Случались с нами и забавные случаи. Так, где-то ещё до полудня, на мой поезд налетел беглый каторжник. Долго он пытался заговорить нам уши, объяснялся и доказывал:

– Да я здешний, просто пока спал, меня обобрали и отделили.

Но, естественно, мы сразу с извозчиком сообразили, кто тут за кого себя пытается выдать. Паренёк был высок и жилист, ходил с гордой осанкой, даже несмотря на свой внешний вид: ношенные ботинки на босу ногу, рваная рубаха и протёртые матросские штаны.

– Либо воришка, которого из города или деревни прогнали, – говорил мне на ухо извозчик, – либо чего хуже... Быть может даже дезертир! Добрый человек точно ладони прятать не будет.

Всё было, примерно, как говорил нанятый мною человек. Парень этот беглый каторжанин, отправленный в угольную копоть за воровство. Признавшись, он попросил нас дать ему немного питья и еды. Я поделился, ведь для меня это мелочь, вся повозка была загружена припасами и моими вещами. За это он нам, жуя свою пайку каши и срываясь на чавканье, рассказал свою историю.

– Разок, – заговаривал он, – я повадился к одной даме... ну вы понимаете. Тут, на пятую ночёвку, я заметил, что больно уж цацек много запряталось у неё то в комод, то в шкаф, фу и шкатулке. Платья, кольца, броши и ожерелья. Всякое. И всего ведь навалом, да столько, что не понимаешь, откуда они могли взяться у этой мымры!

– И ты унёс? – спросил я.

– Не хотел я, добрый человек, этого делать. Клянусь сердцем своим! – Рассказчик ударил себя кулаком в грудь, добавляя своим скверным словам «весомость». – Но нечистая

сила нашла на меня.

– Эта сила жадностью зовётся, – строго сказал извозчик, занятый до этого колёсами телеги. – Бабу обобрал и уже, по-ди, думал, что остаток дней ничего делать не будешь? Знаешь кто ты? – Праздный дурак и плутливая собака! Небось, ещё за место злата ей ребёночка припрятал...

Извозчик не мог успокоиться, ибо терпеть не мог жульё ввиду своего характера и личной обиды. Он считал, что мужчина должен честно нести своё бремя, работать что есть силы и семью поднимать на ноги. Ничего плохого я про этого человека, пусть и простоватого в словах и манерах, сказать не могу, ведь на фоне остальных людей, многим он покажется почти святым человеком.

Отделав беглеца взглядом, он, извозчик, вернулся к повозке и с пыхтением продолжил копаться в днище. Больше в этот вечер он с нами не сидел у очага, лишь присматривал за незнакомцем и курил табак, постоянно награждая своё курево недобрыми словами.

Кроме завораживающей истории про своё прошлое, путник дал нам совет остановиться в мелком городке, ссылаясь на то, что ночлег в Эдисе стоит огромных денег, а если ещё и поставить коня на постой, то можно забыть о дороге в столицу, а после на север.

– У тебя, добрый человек, деньги все тю-тю, уплывут, – говорил беглец. – Вот сам посмотри, в Эдисе одни богачи живут и всё в своих кулаках стиснули. Там деньги улетают

за неделю, а тебе, южанин, не пристало уезжать из города, при этом, не проведая красивые места. А в том городке и бани, и врач, и комнаты... Всё там есть, да с такой ценой, что почти даром. Там мне удалось подрабатывать одно время, но кто-то признал во мне нечестного человека и запел о моём присутствии во всю глотку.

– Мне любое место подойдёт, лишь бы признали, – намекал я на свою особенную для этих мест внешность.

– Поверь, южанин, там все ненавидят друг друга одинаково.

Парень исчез так же быстро, как и попался к нам. Извозчик долго маялся, искал возможные пропажи, всё пересчитывал, но, к нашему удивлению, ничего не исчезло.

– С кем только дорога не сведёт, – сказал я и томно выдохнул.

– Верно. Но лучше бы дорога поскорее вывела нас к столице, а не к таким воришкам.

– Мне показался он более-менее нормальным человеком.

– Но вот то, что он сбежал и теперь по его следу кого-то да пустили, меня не радует, хозяин. Бывал я много где, но беглецы страшный народ. Они, испивши из свободного русла, за место новой жизни выбирают участь воров, убийц, насильников и разбойников. И этот, – извозчик кивнул куда-то в сторону, – станет удалым с большой дороги. Везде так, и я уверен, в вашей пустыне то же.

– Неохотно я соглашусь с тобой.

Выдвинулись мы поутру, убрав нашу стоянку и умывшись у ручья. Дорога была дальней, вилась вперёд, влево и вправо, стояли указатели и вот мы подобрались к одному из них.

– Эдис налево... – вдумчиво бурчал извозчик и считал в голове цифры и дни пути. – И городище Айнирн направо.

– Что скажешь, друг? Прислушиваемся к любителю золотых украшений или в Эдис ступаем.

– Думаю, нам стоит попробовать. Эдис не гарантирует нам личную безопасность. Там разбойников, наверное, ничуть не меньше чем в этом Айнирне.

Дальнейшие моменты нашего путешествия я описывать не буду, так как они выдались очень спокойными. Добралась мы до восхвалённого беглецом города за три дня и две ночи, хотя могли и быстрее, но остановки делали три раза на дню. Ночью стали идти из-за чутья моего провожатого, ему казалось, что кто-то хочет нас настигнуть. Я не перечил человеку, который так страшится неотёсанных оборванцев, это просто бесполезно.

Признаюсь, что Айнирн не был каким-то никчёмным захолустьем. Вполне большой, с собственным ополчением, дозорами на важном отрезке торгового пути, районом который полностью был занят гильдиями по производству чего-либо. Тут действительно были и лекари, и достойные бани, и двор для стоянки лошадей, и вполне уютные, естественно за хорошую плату, комнатушки в постоялом дворе. Тут было всё, что нужно было путнику: вино, пиво, вполне съедобная

еда... ну, так было в месте, где я остановился. Всё это для меня было привычным делом, чего не скажешь об извозчике, который явно останавливался до этого момента в менее дорогих местах. Особенно ему понравился вкус жаркого:

– Неужели я могу это есть не с закрытым носом? – говорил он, уже опустошив пару кружек мёда.

Простояли мы там дня три, покупали всякого в дорогу, смотрели окрестности и жителей, наблюдали за жизнью в городке. Айнирн отличался от городов Предгорья, где суматоха и толкучка была привычным делом. Люди здесь были более спокойными, пусть и держали планку угрюмости на нужном уровне. Может они работали так, что складывалось ощущение какой-то непринуждённой обстановки? – Я так и не нашёл однозначного ответа.

Собирался я прощаться с городком, как в голове засел образ моего наставника. Он ведал мне что-то на непонятном языке, я ничего не мог разобрать в этом бесконечном потоке непонятных звуков, но сила его голоса заставляла меня сидеть непокорно на месте. И с этого момента я стал разговаривать с нужными людьми, стал им намекать на возможность решения их проблем. Я стал чувствовать силу, что чувствовал наставник Менелай. Он мне передал её часть, и теперь я мог стать похожим на него. Я стал собирать вокруг себя таких же странников из постоялого двора. И чудо свершилось, они стали проникаться моими речами и вслушиваться в них. Теперь моя цель немножко изменилась, но оставаться в го-

роде было просто опасно, ведь про мои умения уже разнюхали в городском совете. Спешно, пустив насмарку все свои труды по внедрению учения в головы других людей, я и мой единственный спутник покинули город Айнирн.

Из этого всего самое главное то, что теперь я сам мог творить судьбу и ведать её музыку людям. В столице я начал действовать. После прощания с извозчиком, мне пришлось вникать в особенности жизни большого города. Начал я с самых низов, собирая пропащих людей в первые ряды своей свиты, проводя эксперименты с моими возможностями и тем, сколько моей силы уходит на это. Теперь дело оставалось за малым, дождаться исполнения планов Менелая, дождаться огня, который позволит мне повлиять на непокорные кланы орков.